

Глава 9: Еще один долгий путь

В течение следующих восьми дней мальчики тренировались отдельно. Иногда они даже не ходили на охоту, а просто срывали несколько диких фруктов и набивали животы.

На диаграмме, которую изучал Коу Чжун, был изображен шагающий человек, на теле которого жизненно важные точки и каналы были отмечены красными метками и пунктирными линиями. Это изображение не так уж сильно отличалось от того, на котором практиковался Сюй Цзылин, однако потоки были обозначены по-другому. На рисунке Коу Чжуна несколько линий, берущих начало из жирной черной точки на голове изображенного человека, шли по разным жизненным каналам и имели разные цвета: красный, оранжевый, желтый, зеленый, темно-зеленый, голубой и фиолетовый — итого семь цветов. Каждый цвет означал метод, отличный от другого. Однако не только линии были разными, но и расположение точек могло отличаться; были среди них и такие, о которых Фу Цзюньчао не упоминала, а если и упоминала, то в ее технике медитации им не придавалось значения.

На рисунке Сюй Цзылина был лежащий человек. И, в отличие от диаграммы Коу Чжуна, где все семь линий возвращались к жирной точке на голове, здесь они начинались из точки на правой ноге, а затем сливались вместе в точке на левой.

На самом деле, братья и не ждали от себя слишком многого, они просто пытались делать так, как их учила Фу Цзюньчао. Их мысль невольно следовала за пунктирными линиями вдоль каналов, от точки к точке, расположение которых они уже успели запомнить, и в конце концов, намеренно или нет, они постепенно все лучше и лучше осваивали Великую Технику Девяти Тайн.

Иногда они тренировались лишь по схемам с красными линиями, иногда выбирали другие цвета. В любом случае, они не испытывали мгновенного эффекта, однако понимали, что так просто его не добиться.

Спустя какое-то время Коу Чжун мог неожиданно встать посреди медитации и прямо с закрытыми глазами пройти по долине ровно так, как это было указано на рисунке, а Сюй Цзылин чувствовал себя комфортно только в лежащем положении, как это было на его диаграмме. Один ходил вокруг, другой лежал — и каждый потихоньку преуспевал в выбранной им практике.

Вечером девятого дня разразилась гроза. Братья не спали, в это время они все еще тренировались. Как обычно, Коу Чжун бродил по долине, а Сюй Цзылин лежал в ручье на мелководье, и только его голова была над водой. Оба развивали свою собственную технику.

Немногом позже они оба смогли войти в особое, отрешенное состояние, в котором они были одновременно собой и не собой, в котором одновременно спали, и нет. Они ясно смогли представить себе соответствующую картину из "Таинства Долголетия". К тому же, они больше не заботились о том, чтобы следовать за какой-то одной линией. Они вошли в состояние пустоты, посреди которой находился их дух.

Сюй Цзылин первым почувствовал жар в районе сердца, такой сильный, как будто его тело горело в огне. Затем жар стал распространяться по всем каналам и достигать всех точек, и он был настолько невыносим, что Сюй Цзылину хотелось убить себя, лишь бы не испытывать эту боль. По счастью прохладный ручей, в котором он лежал, немного облегчал его страдания.

Однако Сюй Цзылин понимал, что это момент, когда его тело и дух только раскрывали свой потенциал, поэтому он больше не обращал внимания на боль и старался игнорировать

случайные всплески ци внутри. Он глубоко погрузился в медитацию и сосредоточился лишь на одном.

И хорошо, что Фу Цзюньчао не успела объяснить ему принцип высвобождения своей ци.

Если бы движение ци проходило по Технике Девяти Тайн, то жар возникал бы в нижней части позвоночника и распространялся по венам и артериям по всему телу, достигая крайних точек на ногах, а затем возвращался к груди. Этот цикл являлся базовым методом и занимал обычно тридцать шесть дней.

Для заурядного мастера боевых искусств это состояние являлось первой ступенью на пути к обретению внутренней силы.

Ситуация Сюй Цзылина была беспрецедентной. Обычно мастер чувствует это отклонение, когда жар внутри него становится слишком сильным. Если это отклонение небольшое, он может оказаться парализован, однако если не уследить, внутренний огонь повредит каналы, что приведет к смерти. Поэтому, когда Ши Лун прежде попытался следовать диаграммам из книги, ему пришлось прекратить медитацию, едва он почувствовал, что что-то не так.

Сюй Цзылин же, в отличие от Ши Луна, уже предвзято относившегося к новому учению, и понятия не имел, что происходит. Он думал, что все так и должно быть. И он не умер, а скорее переродился — и открыл для себя истинную сущность диаграммы.

Коу Чжун оказался в другой ситуации. Неожиданно холодный поток ци зародился в верхней части головы и распространился по каналам во все точки тела. Холод был настолько сильным, что Коу Чжун едва не замерз насмерть, поэтому он начал бегать, чтобы разогнать кровь и вместе с ней ци по телу.

Так каждый из них преодолел свой порог. После четырех часов внутренней борьбы совершенно вымотанный Коу Чжун рухнул на землю. В последний момент ему показалось, что все его каналы одновременно разорвались, а затем он потерял сознание.

Сюй Цзылин почувствовал, что приливная волна нестерпимого жара внезапно отхлынула, оставив его в пустоте, в которую он стремительно падал. Как и Коу Чжун, он тоже потерял сознание.

К полудню дождь кончился. Небо постепенно очищалось, и солнце, пробиваясь из-за облаков, сияло ярко. Коу Чжун очнулся первым. Он ощущал прохладу, несмотря на то, что лежал под лучами жаркого солнца. Это было очень приятное чувство.

Коу Чжун все еще плохо понимал, что происходит. Вспомнив, что случилось ночью, он испугался и сел в оцепенении.

Он осмотрелся и был изумлен.

Все вокруг казалось для него теперь намного яснее. Не только цвета были богаче, но и многие детали, которые он раньше упускал из виду, теперь выглядели отчетливее. Даже слабое изменение ветра, которому он раньше не придавал бы значения, теперь можно было заметить.

Самое странное было в том, что и небо, и земля, и камень, и даже каждая отдельная травинка были связаны с ним, как будто они были живыми, а он стал их частью. Они больше не были отдельными сущностями.

Коу Чжун был удивлен. Он размышлял о том, что мир стал для него ясным и понятным лишь после того, как он смог пробудить свою ци. Поняв это, он испытал настоящий восторг и немедленно вскочил.

Первым делом он вспомнил о Сюй Цзылине. Радостно крича, он позвал его:

— Братец, я закончил! Я завершил первую ступень! Мое тело такое легкое, смотри!

Он сделал пару кувырков в воздухе и побежал искать своего брата.

Однако, необычным было то, что даже если бы удалось спросить умудренного знаниями и опытом великого мастера, что за технику изучили эти двое ребят, тот не нашелся бы, что сказать. Даже "Таинство Долголетия" в полной мере не смогло бы ответить на этот вопрос.

Но изменения в физическом состоянии двух мальчиков были реальными. И говоря о реальном бою, теперь далеко не каждый противник смог бы заставить их упасть на колени и молить о пощаде. Однако, если бы они продолжили в том же духе, неизвестно, какого уровня смогли бы достичь.

Услышав крик брата, Сюй Цзылин немедленно проснулся. Все еще находясь в воде, он не замерз, испытывая приятное тепло. Поторопившись, он вскарабкался на берег и упал на колени в удивлении от того, что увидел. Мир казался ему дважды красивее, чем был прежде.

В этот день они оба решили, что достигли первого этапа обучения Технике Девяти Тайн. Но помня, какую боль они испытывали этой ночью, они решили немного повременить со следующими тренировками.

И на тот момент у них осталось не так уж много сил, и едва проснувшись, они были вынуждены отправиться на охоту. Братья не возвращались в долину почти до самого захода солнца, и независимо от того, как сильно они устали, им требовалось поспать. А когда они, наконец, проснулись, усталость полностью исчезла.

На следующий день Коу Чжун и Сюй Цзылин стояли перед могилой Фу Цзюньчао.

— Ели мы продолжим в том же духе, — сказал Коу Чжун, — Мама не будет счастлива. Думаю, в гораздо меньшей степени она хотела, чтобы мы выросли, обзавелись семьей, стали самыми обычными, заурядными людьми, а не делали великие дела.

Сюй Цзылин какое-то время молчал. Наконец он кивнул и ответил:

— Я и сам думаю, что нам уже пора идти отсюда. Хотя мы достигли совсем немного в сравнении с настоящими мастерами боевых искусств, все-таки мы сделали большой шаг вперед. И если после этого мы станем обычными солдатами, я себе не прощу. И Мамуля не простит. Она была такой крутой и грозной, нельзя, чтобы она потеряла лицо.

Коу Чжун усмехнулся и сказал:

— Это точно. К тому же, как Мама и сказала, Юйвэнь Хуацзи все еще хочет заполучить "Таинство Долголетия", он никогда не бросит наши поиски. Наверняка его люди уже рисуют наши портреты и распространяют по всей стране вместе с обещаниями награды за наши головы. Нам лучше затаиться, пока вся эта суeta не уляжется. Конечно, можно было бы остаться и здесь, но если мы продолжим так жить, то скоро превратимся в дикарей.

— И каков тогда план? — Спросил Сюй Цзылин.

— Сначала надо найти надежное место, чтобы припрятать книгу, а затем отправиться на юг, поискать город или деревушку, где можно было бы остаться на какое-то время. После того, как ситуация утрясется, можно будет вернуться к нашему главному плану и присоединиться к ополчению.

Братья еще постояли у могилы Фу Цзюньчао, выражая ей свое почтение. Затем они закопали неподалеку книгу, достали свои одежды, пересчитали монеты и, наконец, покинули эту небольшую уединенную долину, красивое место, из-за которого их души навсегда оказались сломаны и которое они не забудут никогда.

К этому времени уже наступила осень, воздух был свежим и прохладным. Двое мальчишек были еще совсем юны, и медленно оправлялись от трагической смерти Фу Цзюньчао; все чаще и чаще они начинали разговаривать и смеяться. Кроме того, из-за своих первых успехов в изучении техник, они стали намного увереннее в себе.

После семи дней пути на юг они, наконец, наткнулись на небольшую деревушку. Она состояла едва ли из дюжины домов, и только у двух или трех из них горели на фасаде фонари, красноречиво говоря о том, как сильно пострадало это место от хаоса войны и как тяжела здесь жизнь, и эта картина вызвала в сердцах мальчиков оттенок сожаления о возвращении к цивилизации.

Когда они приближались к деревне, то слышали собачий лай неподалеку. На этот лай сразу же ответили еще несколько собак — и вот несколько из них, толкая, и оттесняя друг друга, уже медленно двигались в направлении мальчиков. Те немного испугались и потому старались держаться настороже. К счастью, из ближайшего дома показался деревенский житель и немедленно разогнал собак. Он тепло поздоровался с братьями и предложил им ночлег.

Путру они оставили несколько монет за жилье и, спросив направление к ближайшему городу, продолжили свое путешествие.

Еще спустя десять дней они вышли к городу под названием Цуй Шань, стоящему на реке Чжэцзян, немного восточнее озера Поян. Это был город примерно на две тысячи домов. Жители выглядели довольно преуспевающими, в городе были каменные мосты, а возвышающиеся друг над другом крыши были покрыты черепицей. И хотя по своему размеру он в четыре раза уступал тому же Даньяну и не имел крепостных стен, когда братья его увидели, то сразу почувствовали, что хотят жить именно здесь.

Больше всего их заинтересовало то, насколько изысканной была одежда местных женщин. И крой, и вышивка демонстрировали их искусство и то, как они уделяли особое внимание деталям.

Но в наибольший восторг их приводили шарфы с вышивкой, которые носили местные девушки, их узорчатые сапожки и красивые юбки с оборками, в которых они казались изящными и яркими, особенно когда шествовали по городу небольшими группами. Сердца заглядывавшихся на девчонок двух братьев забились чаще. Особенно теперь, когда они имели несколько лишних монет, чего не случалось в дни, когда они были просто нищими бродяжками. И настроение их было совсем другим, по улице они шли, гордо выпятив грудь.

Братья нашли небольшую гостиницу, которая не выглядела излишне дорогой, сняли комнату, а затем отправились бродить по городу, чтобы разузнать обстановку. Если бы они заметили свои лица на доске с разыскиваемыми преступниками, то тут же постарались бы исчезнуть.

Большинство магазинов были устроены так, что торговали с фасада, в то время как позади имели небольшую аллею, а жилые помещения на втором этаже. Мастерские и склады располагались в основном у воды, чтобы иметь легкий доступ к речному транспорту.

Когда братья достигли ратуши, то увидели только объявление о призыве на военную службу, но никаких плакатов с преступниками не было. Они были в полном восторге; крича от радости, они бродили по городу, как пара важных дельцов.

Несколько молодых девушек шли им навстречу, о чем-то говоря и посмеиваясь. Когда девушки увидели их поразительную внешность, впечатляющие тела и возвышенные выражения лиц, их брови заинтересованно приподнялись, а глаза выразили крайний восторг. Братья задержали шаг, в то время как их сердца радостно забились.

Наверное, с самого их рождения это был первый раз, когда они поймали на себе восхищенный взгляд представительниц противоположного пола, так что их уверенность многократно возросла.

Однако в этом не было ничего удивительного, ведь они столько времени провели в диких условиях, борясь за выживание, а также осваивали высококлассную технику боевых искусств, к тому же это было то самое время, когда их тела пережили свой самый быстрый рост и окрепли. Но дело было не только в том, что они выглядели высокими и крепкими, более всего изменились их лица: теперь они источали какое-то необъяснимое юношеское очарование.

Очень быстро братья оказались вовлечены в знакомство с жителями этого чудесного городка. И если бы они намеревались остаться здесь и со временем обзавестись семьями, то это было бы хорошим решением.

Когда они жили в Янчжоу, причина, по которой братья грезили о великих вершениях, заключалась в крайней неудовлетворенности их положением, и в том, что их частенько унижали. Теперь же, когда они пришли в это чудесное место, где люди были простыми и честными, парни почувствовали что-то совершенно новое. На какое-то время они даже забыли о том, что хотели вступить в ополчение.

Коу Чжун бросил взгляд на большую вывеску: "Постоялый двор Цветущая весна". Он толкнул Сюй Цзылина в плечо и подмигнул.

— Братец, — сказал он, — тебе ведь уже шестнадцать, а мне почти семнадцать. Некоторые мужчины женятся в четырнадцать, а мы с тобой все еще девственники...

Сюй Цзылин нетерпеливо его перебил:

— Я уже понял, что у тебя на уме. У нас есть деньги, и у тебя уже руки чешутся куда-нибудь их потратить, я прав? Я и сам не против приобщиться к местным развлечениям, но давай сначала найдем работу и устроим как-то свою жизнь? А вот потом — можно. Кроме того, все наше состояние — это деньги, которые оставила нам Мамуля. Этого хватит, чтобы построить себе небольшой скромный дом и, может быть, открыть какое-то дело, но не стоит нам тратить эти деньги на все подряд.

Однако Коу Чжун, заметив, что Сюй Цзылин на самом деле не так уж против, радостно продолжил:

— Все так. Но предлагаю сначала отпраздновать наше возвращение к цивилизации, а потом уже посмотрим, куда тут требуются работники.

К этому времени они подходили к закусочной. Они уже собирались войти, когда рослый мужчина, здоровый словно бык, неожиданно вылетел из дверей. В руках он нес какой-то сверток. Мужчина повернул налево и быстро скрылся. Низенький, худощавый старичок выбежал вслед за ним, крича, по всей видимости, его имя, но тот мужчина даже не оглянулся и не сказал в ответ ни слова. Старик расстроено опустил на порог рядом с дверью, бормоча ругательства.

Мальчики были сбиты с толку. Они уже порывались войти, как старик закричал на них:

— Мы сегодня закрыты! И завтра тоже закрыты. И потом.

Братья начали понимать, что этот человек был тут хозяином, а также, взглянув и увидев на его одежде пятна жира, они предположили, что он был и главным поваром. Коу Чжун решил полюбопытствовать:

— А почему же вы не откроетесь и потом?

Старик осмотрел обоих мальчишек сверху донизу, а потом ворчливо сказал:

— Мой бестолковый сын только что ушел, моя жена умерла в прошлом месяце, как я теперь буду управляться здесь в одиночку?

Он грустно опустил голову, вздохнул и продолжил:

— Я, Мастер Чжан, один из самых известных кулинаров в округе. Рис в масле, холодный рис, рис на пару — я во всем эксперт. Но этот дурак, мой блудный сын, не понимает и не хочет перенимать мое мастерство, днями напролет только и бубнит про вступление в армию и какие-то заслуги. Вот увидите, однажды, когда он вконец обнищает и придет домой, он от меня ничего не получит! Пфф! Я мог бы даже вернуться в свою родную деревню, так что он меня ни в жизнь не найдет.

Братья переглянулись и присели перед ним на корточки. Коу Чжун сказал:

— Плохо, если это место закроется. Может, наймете нас как помощников? Заодно мы будем учиться у вас, так что ваш талант, Мастер Чжан, не пропадет даром. Мы потребуем платы, скажем, в двести монет каждый месяц.

Мастер Чжан был удивлен. Он осмотрел мальчишек еще раз, с головы до ног, а затем задумчиво спросил:

— А вы кто такие?

После того, как Коу Чжун рассказал ему пару придуманных фактов, Мастер Чжан ответил:

— То есть всего двадцать связок?

По несложным подсчетам так и выходило: двадцать связок по десять монет в каждой. Однако это были небольшие деньги даже для одного человека, а тут он нанимал двоих работников за эту же мизерную сумму.

Коу Чжун же хотел обучиться его умению готовить лучший рис, чтобы в будущем он и сам смог зарабатывать этим на жизнь, если придется. Но у него было и еще кое-что на уме, так что, не дав старику ни секунду на раздумья, он тут же добавил:

— Кроме того, как своим работникам вы обеспечите нам еду и ночлег.

Прищурившись, Мастер Чжан, в свою очередь, добавил:

— Предоставить еду и жилье не проблема, но в ваши обязанности будет также входить уборка и прочая тяжелая работа.

Коу Чжун рассмеялся.

— Договорились! — Сказал он. — Прямо сейчас мы очень голодны, так что наш первый обед будет за счет Мастера Чжана.

И так братья поселились наверху, в комнате, которая пустовала после того, как сын хозяина ушел. Каждый день они просыпались с рассветом и принимались за работу. После полудня, когда Мастер Чжан закрывал свое заведение на перерыв, братья занимались припасами и доставками. Когда окончательно закрывались на ночь, хозяин принимал ванну и шел спать, а мальчики мыли посуду и убирались.

Они всегда были так заняты, что у них не только не оставалось времени посетить публичный дом, но они даже нормально не высыпались.

Однако Мастер Чжан действительно обладал настоящим кулинарным талантом и был известен не только в этом городе, даже приезжие торговцы с удовольствием заходили в его заведение пообедать.

Обычно меню состояло из тех трех самых популярных типов риса, о которых упоминал хозяин при их первой встрече, но его искусство, конечно, не ограничивалось только этим. После того, как Коу Чжун и Сюй Цзылин начали помогать ему, время от времени он стал доверять им самостоятельно выполнять заказы.

Поскольку братья действительно хотели перенять его мастерство, а сам Мастер Чжан был старым и слабым, в каждодневной рутине он сильно полагался на них, уча всему, что знал сам, и понемногу передавая свои умения.

Три месяца спустя братья уже были полностью уверены в том, что смогут расправить крылья самостоятельно. С другой стороны, они уже немного устали от этой работы.

Единственное, что их останавливало от того, чтобы уйти, это мысль, что старый Мастер Чжан может этого не пережить.

Однажды ночью, когда закусочная уже была закрыта, а Мастер Чжан ушел в свою комнату наверху, мальчики устроили серьезный разговор.

— Может, нам лучше не присоединяться к ополчению, а стать мастерами единоборств? — Спросил Коу Чжун.

Сюй Цзылин растянулся на стуле. Он вздохнул и ответил:

— Быть вечно занятым вот так, день за днем, пока не наступит конец света, и в итоге даже не распробовать толком жизнь — это не очень интересно.

Коу Чжун добавил:

— Или, может, потерпим еще немного? Скажем, еще три месяца, до весеннего равноденствия.

Потом, когда станет тепло, мы уйдем отсюда.

Сюй Цзылин казался обеспокоенным.

— Я уже устал "уходить". — Сказал он.

Коу Чжун улыбнулся.

— Я тоже. Но я все еще думаю, что настоящий, великий человек стремится зайти как можно дальше и оставить свой след в этом мире. Почему бы нам не примкнуть к семье Сун? Сун Лу, кажется, неплохой человек, если мы выразим ему свое почтение и попросим взять нас в ученики, возможно, тогда мы сможем исполнить все наши мечты.

И тут же сквозь зубы он добавил:

— И первым делом, как только станем мастерами боевых искусств, отомстим этому негодяю Юйвэнь Хуацзи.

Сюй Цзылин расстроено сказал:

— Прошлой ночью мне снова снилась Мамуля. Она назвала меня бесхребетным, потому что я до сих пор не отомстил за нее.

Коу Чжун сделал глубокий вздох.

— Мы и правда слишком робкие. — Подытожил он. — Мы не можем называться настоящими мужчинами. Худшее, что может с нами случиться, это смерть. Но мы боимся не ее, а тяжелых тренировок и того, что не справимся, поэтому и не продолжаем. Разве этим мы не принижаем все, что сделала для нас Мама? Я решил, что начну с завтрашнего дня. Начну новую жизнь, начну тренироваться. И я не сдамся до тех пор, пока не найду и не убью Юйвэнь Хуацзи.

В глазах Сюй Цзылина неожиданно вспыхнул огонь, он потянулся и схватил Коу Чжуна за плечо.

— Хорошо, что ты так решил. — Сказал он. — Я полностью с тобой согласен. Даже в Янчжоу наши цели были намного выше и значительнее. Как мы превратились в людей, которые вжимают голову в плечи перед жизненными трудностями? Нам лучше уйти завтра же.

Коу Чжун был потрясен.

— Что это я сейчас увидел в твоем взгляде? Прямо как в глазах Мамули перед самой смертью.

Сюй Цзылин немного опешил.

— По правде говоря, — размышлял он, — хоть я и не тренировался намеренно, эта диаграмма всплывала в моей голове всякий раз, как я ложился спать. И я неосознанно следовал ей.

Коу Чжун с сожалением сказал:

— Если б я знал, наверное, последовал бы твоему примеру и тренировался чаще и усерднее. Ну, теперь-то я точно не могу остаться в стороне. Ладно, решено! Завтра мы уходим.

— А кто скажет Мастеру Чжану?

— Давай скажем вместе. — Ответил Коу Чжун с улыбкой. — Этот скряга тоже должен получить свой жизненный урок.

<http://tl.rulate.ru/book/898/208992>